

RELIANCE on VERBAL-ARTISTIC TEXTS in MASTERING the RUSSIAN LANGUAGE in THE COMMUNICATIVE-SPEECH SPACE of CLOSELY-RELATED BILINGUISM

Zaitseva I. P.
Vitebsk, Republic of Belarus,
VSU named after P. M. Masharov

Summary. The article contains some recommendations on using full texts and fragments of literary works as material to promote better mastery of Russian as a non-native language in conditions of closely-related bilingualism. According to the author, works by bilingual authors who use both closely-related languages in their work are of particular importance in such situations.

Key words: closely-related bilingualism, linguocultural landscape of the Luhansk region, bilingual authors, literary text, individual-poetic style.

УДК 94(47).084.3,5,6.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СССР 1920–1930-х гг.

Синицын Ф. Л.
Москва, Российская Федерация,
Институт всеобщей истории РАН

Аннотация. Статья содержит обзор документальных сведений о специфике преподавания иностранных языков в СССР в период 1920-х–1930-х годов, которыми регламентировалось изучение иностранных языков в учебных заведениях разного типа. Часть статьи посвящена проблеме введения в образовательное пространство этого периода языков международного общения, в частности эсперанто.

Ключевые слова: иностранные языки, «языковой» вопрос, система образования в СССР 1920-х–1930-х годов, методика преподавания иностранных языков, эсперанто.

Введение. «Языковой вопрос» в СССР считался идеологически важным – см., например: [22, с. 23]. Язык рассматривался как орудие «пропаганды идей международного братства» [13, л. 115] и как средство, «с помощью которого каждое национальное меньшинство могло быть обучено коммунистическим ценностям» [23, р. 15].

В то же время характерным для советских реалий моментом были проблемы с преподаванием иностранных языков. До революции большинство населения Российской империи иностранными языками не владело [18, с. 75] (такая ситуация сохраняется по сей день ¹). Во время Первой мировой войны и революционных событий из России уехало большинство преподавателей-иностранцев, а с 1918 г. изучение иностранных языков стало необязательным и почти прекратилось внешкольное изучение языков [11, л. 57].

В стране распространялись идеи о «бесполезности изучения иностранных языков» и «пагубности многоязычия для мыслительных способностей человека». Общественное мнение было настроено против изучения языков, а пропаганда, разъясняющая их значение и ценность, совершенно отсутствовала. Негативное отношение к изучению иностранного языка легко воспринималось молодёжью [18, с. 74–76]. Так, в апреле 1921 г. на собрании учащихся средних школ Дальневосточной республики было объявлено, что иностранные языки, «загромождавая курс школы, не достигают целей

¹ По данным социологических опросов, иностранными языками владеют около 20 % граждан России.

практического характера» [14, л. 333]. В 1924–1925 гг. самым нелюбимым предметом у школьников был немецкий язык [18, с. 76].

Цель настоящей публикации – аналитический обзор отношения к преподаванию иностранных языков в образовательном пространстве России в период 20-х–30-х гг. прошлого столетия.

Материал и методы. Материалом послужили преимущественно сведения, содержащиеся в архивах, а также ряд посвящённых данной проблеме исследовательских источников. В процессе выполнения исследования использовались методы систематизации, аналитического обобщения и интерпретационный метод.

Результаты и их обсуждение. Обязательность преподавания иностранных языков в школе отсутствовала до 1925–1926 учебного года. На рабфаках до 1924–1925 учебного года преподавание иностранных языков было обязательным, но затем – стало факультативным. В индустриальных техникумах они преподавались факультативно, а в художественных, педагогических и сельскохозяйственных – вовсе не преподавались [11, л. 76].

В 1924 г. Наркомпрос РСФСР создал комиссию по иностранным языкам и начал издавать журналы, посвященные изучению английского и французского языков [11, л. 57]. В октябре 1924 г. вышло постановление Научно-педагогической секции Государственного учёного совета Наркомпроса (НПС ГУС) о том, что обучение иностранным языкам следует начинать со школы второй ступени. Программа на 1925 г. включала 2–3 часа в неделю в 5–7 классах [18, с. 77–78]. С 1925–1926 учебного года иностранные языки сделали обязательными в вузах на первых двух курсах, на других – факультативно. В техникумах и на рабфаках иностранные языки вводились как обязательные с 1926–1927 учебного года [11, л. 77].

Отношение к иностранным языкам резко изменилось в 1927 г. [18, с. 79] («год военной тревоги»). Член редколлегии журналов «Der Neue Weg» и «Our Way» М. М. Курляндский в марте 1927 г. сообщил во Всероссийский комитет содействия промышленно-экономическому образованию (ВССПЭО) и Агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б), что «вопрос этот в СССР приобретает весьма важное значение», так как «все европейские страны усиленно готовятся к войне». Кроме того, знание языков имело «важное значение... при переходе нашей страны к высшим формам индустриализации». На заседании НПС ГУС в апреле 1927 г. было объявлено, что «овладение иностранными языками (в пределах чтения книг по своей специальности) является для студентов столь же обязательной задачей, как овладение другими предметами учебного плана» [11, л. 57об, 68].

Однако, по данным М. М. Курляндского, к 1927 г. в СССР «дело распространения знания языков пришло в полный упадок», и ВССПЭО был согласен с таким мнением [11, л. 56–57]. Действительно, участники всесоюзной экскурсии-конференции преподавателей иностранных языков, состоявшейся в сентябре 1927 г., отмечали плачевное положение этой учебной дисциплины. Иностранные языки фактически оставались необязательным предметом, и сокращались часы, отведённые на их преподавание. В 1927 г. в программе 5–9 классов на языки было отведено всего 13 часов в неделю на все классы [18, с. 80–81]. В вузах также была выявлена «тенденция... отодвигать языки на задний план и при недостатке средств сокращать прежде всего преподавание языков» [11, л. 48].

В 1927 г. в СССР была начата компания «Иностранные языки – в массы», состоявшая в разворачивании сети кружков и курсов. В феврале 1928 г. Главсоцвос запретил сокращать сетку часов по иностранным языкам. Однако, очевидно, недооценка языков сохранялась, так как в сентябре 1929 г. был вновь выпущен такой же запрет. Наконец, в принятом в августе 1932 г. постановлении ЦК ВКП(б) была обозначена задача школы по обучению иностранным языкам, и они не только стали полноценным предметом средней школы, но и были отнесены к основам наук [18, с. 79, 81, 136].

25 августа 1932 г. ЦК ВКП(б) дал указание Наркомпросу РСФСР об обязательном обеспечении средней школой знания одного иностранного языка каждому оканчивающему школу [12, л. 2].

К середине 1930-х гг. позиции иностранного языка как учебного предмета средней школы укрепились. Однако кампания «Иностранный язык в массы» была свёрнута, для чего было несколько причин. Во-первых, успехи обучающихся в большинстве кружков были низкими из-за недостаточной квалификации преподавателей. Во-вторых, сократились непосредственные контакты между гражданами СССР и представителями других стран. В-третьих, была создана система непрерывного обучения иностранным языкам от школы до вуза, что в идеале должно было обеспечить знание иностранных языков новой интеллигенцией [18, с. 138].

К концу 1930-х гг. власти вновь признали важность преподавания иностранных языков в СССР. Было объявлено, что «знание иностранного языка играет важную роль в культурном и политическом развитии трудящихся. Оно необходимо для ознакомления с новейшими достижениями культуры и техники стран Европы и Америки, а также для более глубокого изучения жизни зарубежных стран. Укрепление интернациональных связей советского народа требует практического знания иностранных языков – умения не только понимать иностранную книгу, но и объясняться на иностранном языке. Особенно необходимо знание иностранного языка в связи с создавшейся военной обстановкой: для командиров и бойцов нашей Красной армии практическое знание иностранных языков имеет не только культурное, но и практическое значение» [11, л. 7].

Однако реальная ситуация складывалась по-другому. В 1937–1938 гг. количество часов, отведённых на изучение иностранных языков, сокращалось. Изменение политической обстановки в сторону изоляции страны и нехватка педагогических кадров привели к тому, что широкое массовое изучение иностранных языков в стране прекратилось [18, с. 141–142]. 29 декабря 1939 г. председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанов и нарком просвещения РСФСР П. А. Тюркин сообщили заместителю председателя СНК СССР А. Я. Вышинскому, что «несмотря на огромные государственные средства, затрачиваемые на внедрение знаний иностранных языков, практические результаты катастрофически ничтожны. Иностранными языками не владеют не только широкие массы трудящихся, но сплошь и рядом молодые специалисты... Роль и значение ино[странных] языков недооцениваются органами народного образования и учащимися... Преподавание иностранных языков поставлено совершенно неудовлетворительно... Наличные кадры преподавателей в подавляющей своей части мало квалифицированы... Дефицит в кадрах преподавателей иностранных языков к концу 3-й пятилетки составит не менее 56 тысяч человек» [11, л. 47–50].

В документах тех лет содержатся интересные данные, иллюстрирующие профанацию преподавания иностранных языков – ср., например: «В школах практикуется заучивание вопросов и ответов на них, зазубривание текстов целиком без достаточного осмысливания и понимания значения отдельных слов... Статьи, которые проходятся в классе, зачастую переводятся учителем или лучшим учеником, а остальные записывают перевод между строк карандашом, заучивают его, и в дальнейшем “переводят” текст, не зная значения отдельных слов. Вот почему... можно часто наблюдать, что учащиеся читают плоховато, но “переводят” очень бойко. Учитель Эпп (Товарковская школа Тульской области) пишет о двух учениках, переведенных в его класс из школы Орловской области, которые знали только, что в немецком языке есть два шрифта – латинский и готический, не знали почти ни одного слова, но переводили с поразительной быстротой... На испытаниях в вузы были случаи, что учащийся, только что бойко прочитавший знакомый ему текст, начинал запинаться и заикаться на новом тексте, хотя бы и близком по содержанию и словарному запасу... Обучение чтению проводилось по методу “целых слов”

<т. е. как иероглифов. – Ф. С.>, в результате чего учащиеся читали “наизусть”, т.е. процесс чтения подменялся “узнаванием слов в лицо”, угадыванием их по начальным буквам» [11, л. 3–4].

Низкий уровень владения иностранными языками сохранялся в СССР и далее.

Кроме того, в 1920-х и 1930-х гг. в советском государстве развивалось движение в поддержку международных искусственных языков, самым известным из которых был эсперанто. Октябрьская революция вызвала к жизни «красный эсперантизм» [3, с. 123–124]. После неё в стране развернули деятельность около 100 эсперантистских объединений и кружков [17, с. 137]. В 1921 г. в Москве был проведён всероссийский эсперантистский съезд, на котором было основано «Объединение эсперантистов советских республик» [1, с. 78], генеральным секретарем которого был избран Э. К. Дрезен [17, с. 140]. К 1930 г. число членов эсперанто-движения достигло **16116** человек в **687** населённых пунктах СССР [1, с. 79]. До 1934 г. было издано более **200** книг на эсперанто, а также выходили журналы «La Nova Eпоко» («Новая эпоха»), «La Nova Etapo» («Новый этап») и «Sur Posteno» («На посту») [17, с. 139].

Распространение эсперанто пропагандировали как залог «мировой революции» [3, с. 123–124]. Как утверждали сторонники этого языка, рабочий класс «здраво понял всю ценность эсперанто в целях классовой борьбы пролетариата и более лёгкого непосредственного объединения» [1, с. 78].

Сторонники международных искусственных языков на роль будущего «всемирного языка», разумеется, предлагали именно такие языки – *эсперанто* [16, с. 4, 9–10; 14, с. 13], *идо* [5, л. 44] и др., и поэтому были против введения одного из имеющихся «естественных» языков в качестве всемирного, считая их «непригодными» [15, с. 24–26]. При этом они резко отзывались об «естественных» языках – например, называли их «окаменелостями» [2, л. 47.], отягощёнными «массой идиотизмов и неправильностей» [16, с. 15]. Оживилось движение за замену обучения иностранным языкам в школе изучением эсперанто [18, с. 74–75].

Эсперантистское движение получило поддержку со стороны властей [3, с. 124], в том числе Наркомата просвещения РСФСР. Коммунисты-мечтатели предлагали, чтобы ЦК РКП(б) и все главные партийные и советские органы использовали эсперанто в своей работе [24, р. 77]. В 1923 г. регулярные передачи на эсперанто начало Московское радио, а затем – радиостанции Ленинграда, Минска, Харькова, Краснодара, Барнаула и других городов [16, с. 139]. Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР (Главполитпросвет) участвовал в финансировании продвижения эсперанто [14, л. 243].

Наиболее активно продвижение эсперанто осуществлялось в сфере связи (существовало отдельное Центральное бюро эсперантистов связи). Так, в 1920 г. в Николаеве был создан кружок эсперантистов при культурно-просветительском отделе губернского управления Наркомсвязи. Тогда же Череповецкое управление связи приняло решение открыть курсы эсперанто. К 1921 г. изучение эсперанто на предприятиях связи стало, фактически, обязательным. Кроме того, этот язык допускался для отправления телеграмм [7, л. 2, 5, 11, 141].

Звучали предложения о внедрении эсперанто в систему образования. При Наркомате просвещения РСФСР была создана комиссия по разработке вопроса о факультативном преподавании международного языка в школе. Предложение о введении преподавания эсперанто во всех школах РСФСР рассматривалось, как минимум, с января 1919 г. [6, л. 27; 8, л. 1]. В мае 1920 г. Наркомпрос разрешил преподавание эсперанто как факультативный предмет [16, с. 137–138]. В Дальневосточной республике в апреле 1921 г. на собрании учащихся средних школ было принято решение просить правительство ДВР «о введении международного языка в число обязательных предметов преподавания, заменив им один из национальных языков» [14, л. 333] (т. е. иностранных). Кроме того,

эсперанто изучали в Красной армии – например, с 1921 по 1923 гг. в 25-й Чапаевской дивизии [19, с. 4].

В СССР активно действовали также сторонники искусственных языков *rapedo* [См.: 2, л. 47] и *идо* («реформированного эсперанто»). Международная идо-федерация коммунистов (МИФК) конкурировала с эсперантистами – в частности, в стремлении воздействовать на Наркомпрос РСФСР. Эту федерацию поддерживали Коминтерн и организация «Международная рабочая помощь России» [6, л. 42; 8, л. 6; 9, л. 37].

Однако в итоге изучение международных искусственных языков в СССР было признано «частным делом». Согласно постановлению Главполитпросвета, опубликованного в декабре 1921 г., все организации, связанные с распространением эсперанто, считались «частными, от государственных органов не зависящими». В феврале 1923 г. коллегия Главного управления социального воспитания и политехнического образования Наркомпроса РСФСР (Главсоцвос) приняла решение «считать распространение международных языков идо, эсперанто делом частным и не пользующимся официальной поддержкой, против же введения преподавания названных языков в школе во внеурочное время не возражать». В марте того же года аналогичное решение было принято на высшем уровне Наркомпроса [8, л. 7, 9; 10, л. 37].

Тем не менее, государство продолжало участвовать в жизни эсперантистов. Так, например, в августе 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) разрешило делегировать на VII всемирный конгресс эсперантистов в представителей советских эсперантистов – Э. К. Дрезена и Н. В. Некрасова [19, л. 10; 20, л. 4].

В 1929 г. выдвигались идеи об официальном внедрении эсперанто вместо латыни в медицине. Они рассматривались наркоматами здравоохранения РСФСР и Украинской ССР. Однако в январе 1930 г. Учёный медицинский совет Наркомздрава РСФСР принял решение, «что для замены латинского языка в мед[ицинской] номенклатуре языком эсперанто нет никаких оснований» [6, л. 1–4.].

Заключение. Однако в рамках взятого властями СССР в начале 1930-х гг. нового курса политики, связанного с отказом от форсирования «мировой революции», начинается постепенная ликвидация эсперанто-движения (равно как и других обществ сторонников международных языков). Последний, пятый съезд СЭСР состоялся в 1931 г. [16, с. 139]. Эсперантисты оказались под подозрением из-за близости их руководителей к «троцкистам» и «зиновьевцам». В результате к 1937 г. эсперанто «превратился» из языка международного революционного пролетариата в «язык шпионов». Члены ЦК Союза эсперантистов советских республик во главе с генеральным секретарем Э. К. Дрезеном были арестованы, движение разгромлено. Оно возродилось лишь в 1956 г. [3, с. 125].

Использованные источники

1. Андреев, А. П. Эсперантское движение в СССР / А. П. Андреев // Революция и язык. – 1931. – № 1. – С. 78–79.
2. Архивы Российской академии наук (РАН). – Ф. 358. – Оп. 1. – Д. 94.
3. Вдовин, А. И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России) / А. И. Вдовин. – Москва : РГ-Пресс, 2019. – 712 с.
4. Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 482. – Оп. 25. Д. 587.
5. ГАРФ. – Ф. 482. – Оп. 25. – Д. 587.
6. ГАРФ. – Ф. 626. – Оп. 1. – Д. 7.
7. ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 122. – Д. 471.
8. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 1. – Д. 1788.
9. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 2. – Д. 591.
10. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 4. – Д. 98.
11. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 69. – Д. 744.
12. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 69. – Д. 2484.
13. ГАРФ. – Ф. 5402. – Оп. 1. – Д. 107.
14. ГАРФ. – Ф. 5464. – Оп. 4. – Д. 243.

15. Дрезен, Э. К. За всеобщим языком (Три века исканий) / Э. К. Дрезен ; с предисл. акад. Н. Я. Марра ; Главнаука НКП РСФСР. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 269, [2] с., 1 л. табл.
16. Иодко, А. Р. Рабочий класс и международный язык / А. Р. Иодко ; Союз эсперантистов совет. стран (СЭСС). – М. : ЦК СЭСС, 1923. – 16 с.
17. Королевич, А. И. Книга об эсперанто / А. И. Королевич ; Акад. Наук УССР, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. – Киев : Наукова думка, 1989. – 256 с.
18. Миролубов, А. А. История отечественной методики обучения иностранным языкам / А. А. Миролубов. – М. : СТУПЕНИ, ИНФРА-М, 2002. – 448 с.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 698.
20. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 114. – Д. 644.
21. Слово читателя: Эсперанто в Красной Армии // Огонёк. – 1988. – № 8. – С. 4.
22. Хабаев, И. П. Новый бурят-монгольский алфавит / И. П. Хабаев // Бурятияведение. – Верхнеудинск. – 1930. – № III–IV (11–12). – С. 18–23.
23. From Revolution to Repression : Soviet Yiddish Writing ; Introduction by Gennady Estraiikh. Sherman, Joseph (ed.). – Nottingham : Published by Five Leaves Publications, 2012. – 260 p.
24. Smith, Michael G. Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953 / Michael G. Smith. – Berlin–New York : Mouton de Gruyter, 1998. – Volume 28. – Issue 2. – 320 p.

PROBLEMS of TEACHING FOREIGN LANGUAGES in the USSR in the 1920–1930s

*Sinitsyn F. L.
Moscow, Russian Federation,
Institute of World History RAS*

Summary. *The article provides an overview of documentary evidence on the specifics of foreign language teaching in the USSR in the 1920s and 1930s, which regulated the study of foreign languages in various types of educational institutions. Part of the article is devoted to the problem of introducing languages of international communication, in particular Esperanto, into the educational space of that period.*

Keywords: *foreign languages, the 'language' question, the education system in the USSR in the 1920s and 1930s, foreign language teaching methods, Esperanto.*